

УДК 347.9

Шишкин Д.А.
магистрант 2 курса
ФГБОУ ВО Дальневосточный филиал «Российский
государственный университет правосудия»
Россия, г. Хабаровск

Научный руководитель: Якунин Д.В.
к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО Дальневосточный филиал «Российский государственный
университет правосудия»
Россия, г. Хабаровск

**ЗНАЧЕНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО
СУДА РФ № 30-П ДЛЯ ИНСТИТУТА ПЕРЕСМОТРА ПО ВНОВЬ
ОТКРЫВШИМСЯ ИЛИ НОВЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ**

Аннотация: В статье дается анализ проблемы пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений по новым обстоятельствам по делам лиц, которые не являлись участниками конституционного судопроизводства. Изучается немаловажная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, недавно сформулированная им в Постановлении от 26 июня 2020 г. N 30-П. Оценивается значимость указанного Постановления для дальнейшего совершенствования цивилистического процессуального института пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Ключевые слова: пересмотр судебных постановлений, новые обстоятельства, вновь открывшиеся обстоятельства, отмена судебного акта, гражданский процесс.

SIGNIFICANCE OF THE DECISION OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION NO. 30-P FOR THE INSTITUTION OF REVISION ON NEWLY DISCOVERED OR NEW CIRCUMSTANCES

*D.A. Shishkim
2nd Year Master's Student
FSBEI HE Far Eastern Branch «Russian State University of Justice»
Khabarovsk, Russia*

*Supervisor: D.V. Yakumim
Ph.D., Associate Professor
FSBEI HE Far Eastern Branch «Russian State University of Justice»
Khabarovsk, Russia*

Abstract: The article gives an analysis of the problem of revising court decisions that have entered into legal force for new circumstances in the cases of persons who were not participants in constitutional proceedings. An important legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, recently formulated by him in the Resolution of June 26, 2020 N 30-P, is being studied. The significance of this Resolution is assessed for further improvement of the civilistic procedural institution of revising judicial acts that have entered into legal force for newly discovered or new circumstances.

Key words: review of court orders, new circumstances, newly discovered circumstances, cancellation of the judicial act, civil proceedings.

Правовая политика государства в отношении института пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу, неоднократно менялась: от рассмотрения его

в качестве вторичного до придания ему особо значения с учетом международно-правового контекста. Определенную динамику развития данному институту придали и так называемые новые обстоятельства, позволяющие суду первой инстанции осуществлять самоконтроль не в связи с наличием фактической или юридической ошибки в правоприменительном акте, а по причине трансформации правового основания (в том числе интерпретационного), на котором базируется судебное решение, обретшее законную силу. Например, в случаях признания Конституционным Судом Российской Федерации (далее – КС РФ) не соответствующим Конституции Российской Федерации закона, примененного в деле заявителя; установления Европейским судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом конкретного дела; нового определения в Постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) практики применения той или иной нормы и др.

При анализе цивилистических процессуальных кодексов (Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ), Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации) нетрудно заметить, что в приведенных выше ситуациях заинтересованное лицо получает право на пересмотр судебного акта по новым обстоятельствам только «по своему делу», тогда как прочие субъекты аналогичных спорных правоотношений таким сложным по своей имманентной природе правомочием (правомочие *post factum*) не наделены. Как следствие, попытки всех прочих лиц, которые не адресовывали свои требования в КС РФ, Европейский Суд по правам человека или ВС РФ, добиться пересмотра решений органов правосудия по новым обстоятельствам обречены на неуспех. Хотя еще в Определении КС РФ от

14 января 1999 г. № 4-О подчеркивалось, что ст. 100 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ) не содержит препятствий для пересмотра решений правоприменителей в отношении лиц, не являвшихся заявителями по делу, рассмотренному конституционными судьями.

Таким образом, с прикладной точки зрения не находило свою реализацию положение ч. 3 ст. 79 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ, согласно которому решения судов и иных органов, основанные на актах или их отдельных тезах, признанных неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных законом случаях.

Вполне понятно, что такой вывод был сделан исходя из того, что сами по себе указанные постановления по сфере действия во времени, в пространстве и по кругу лиц приравниваются по своей юридической силе к федеральному закону, который направлен на будущее, если в нем не установлено иное, с той лишь разницей, что в субсидиарных постановлениях в ходе их вынесения и через призму индивидуального спора дается оценка сложившейся правоприменительной практике, что провоцирует необходимость пересмотра уже имеющихся и вступивших в законную силу решений органов правосудия или невозможность их исполнения.

Однако тогда возникает еще один теоретико-прикладной вопрос, связанный с конфликтом легальных последствий постановлений КС РФ и законной силы актов судов, находящихся на стадии исполнения: допустимо ли отступить от принудительной реализации подобных актов, если они не были отменены в рамках процедуры, закрепленной в процессуальном законе (а потому у судебных приставов нет формальных оснований для прекращения исполнительного производства)? Как

справедливо писал Н.А. Миловидов, для всех участников правоотношений «под законной силой судебного решения (*res judicata*) понимается квалификация его как формальной истины», по крайней мере до тех пор, пока это не опровергнуто посредством строго определенных правовых средств [1, с. 9].

КС РФ ответил на означенный вопрос положительно, посчитав, что общеобязательное значение его постановлений в части всех неисполненных судебных актов автоматически преодолевает их законную силу за исключением отдельного случая - заявитель, обратившийся с конституционной жалобой, получает право на такое преодоление через институт пересмотра дела по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Очевидно, что сформулированное конституционными судьями дифференцированное правовое утверждение нуждается в дополнительной аргументации хотя бы потому, что исполнимость является свойством законной силы судебного решения, а не наоборот. Проще говоря, исключительность, неопровержимость, преюдициальность (*res judicata*) [3, с. 203], неизменность, исполнимость и другие общеизвестные свойства есть следствие, а не причина законной силы; собственно, они в своей совокупности обеспечивают правовую определенность и стабильность бывших спорными субъективных правоотношений, конституированных властной директивой органов правосудия. Правильно отмечает Г.Л. Осокина – «содержание законной силы судебного решения образует его свойства» [2, с. 120].

Принимая во внимание сказанное, становится ясно, что более или менее верная процессуальная поведенческая модель следующая: после вынесения постановления КС РФ (среди прочего и с позитивным правовым смыслом) сначала нужно определить участь *всех решений*, обретших законную силу, базирующихся на нормах права, которые были

признаны неконституционными либо по-иному качественно интерпретированы, и только после этого заниматься вопросами исполнительного производства. Для этих случаев в законе придется нивелировать общее правило *judicatum prospicit* по *respicit*, а не только для лиц, которые являлись участниками конституционного разбирательства. При этом юридический механизм должен быть таков, чтобы, с одной стороны, гарантировать недопустимость возникновения любой формы постапелляционного обжалования, нацеленного на исправление юридических, а не фактических девиаций, допущенных в момент рассмотрения дела *ad rem*, а с другой – обеспечивать нуллификацию законной силы судебного акта.

Явно или неявно проблема создания соответствующего процессуального механизма существует уже более двадцати лет, хотя в чистом виде она нечасто обсуждалась на доктринально-практическом уровне. Причем она является комплексной, так как касается не только постановлений КС РФ, но и Европейского суда по правам человека и Президиума ВС РФ. Следует отметить, что время от времени к ней обращались именно конституционные судьи, понимая целесообразность ее скорейшего урегулирования законодателем, поскольку граждане в своих жалобах неоднократно поднимали эту непростую проблематику. Но традиционно все ограничивалось опубликованием конституционных определений с последующей констатацией того, что «особенно остро стоит вопрос исполнения определений с так называемым позитивным содержанием, которые Конституционный Суд принимает в случаях, когда для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение итогового решения в виде постановления».

Использованные источники:

1. Миловидов Н.А. Законная сила судебных решений по гражданским делам / Н.А. Миловидов. Ярославль: Типография Губернского правления, 1875. 135 с.

2. Осокина Г.Л. Законная сила судебного решения по гражданским и административным делам / Г.Л. Осокина // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4 (18). С. 122-132.

3. Терехов В.В. Понятие и содержание категории «res judicata» в российском и зарубежном гражданском процессе / В.В. Терехов // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 203-209.